

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ДОМАШНИЕ КУЛЬТЫ

Жреческие коллегии. Авгуры и гаруспики. Домашние культы. Римская мифология. Проникновение в Рим греческих и восточных культов.

Связь религии с государственной жизнью ни у кого не была столь явной, как у римлян. Элементы первобытной религии очень рано были оттеснены на задний план. Религиозные культы стали в первую очередь *государственными* культами, средством политического воздействия государства на массы.

В легендарный период верховные жреческие функции принадлежали царю. После изгнания царей они перешли к верховному *понтифику*, жрецу, стоявшему во главе коллегии понтификов. Верховный понтифик жил на Форуме в бывшем царском дворце. Под его наблюдением находились девственные жрицы богини Весты — весталки, которые обязаны были поддерживать неугасимый огонь Весты в ее храме на Форуме. Подобно тому как священным центром дома считался очаг, так огонь Весты являлся символическим средоточием всего государства. Когда священный огонь Весты по какой-нибудь причине гас, это воспринималось как громадное общественное бедствие: прекращались судебные разбирательства, частные сделки, замирала общественная жизнь. Жрицы же Весты, виновные в том, что дали священному огню потухнуть, предавались смерти. Так силен был в Риме культ домашнего очага, перешедший из религии родового общества в религию государственную. Влияние понтификов как на политическую, так и на семейную жизнь явствует из того, что понтифики составляли календарь и первоначально им принадлежало исключительное право толковать законы. Они же вели летописи, послужившие источником для первых римских историков.

В ведении особой жреческой коллегии фециалов находились внешне-политические отношения. Фециалы были «блюстителями мира», они же объявляли войну. Прежде чем объявить войну, они обязаны были выставить противнику определенные требования; в случае невыполнения этих требований в течение 33 дней фециалы бросали окровавленное копье через границу враждебной страны. Позднее, когда границы римского государства расширились, это действие было заменено символическим обрядом — копье бросали у «военной колонны», перед храмом богини войны Беллоны в Риме.

Огромное влияние на политическую жизнь имели *авгуры* (прорицатели). Их предсказания, называвшиеся *ауспициями*, были нескольких видов: прорицали по полету, пению и появлению птиц, видели «знамения» в молниях, в стихийных бедствиях, в том, как куры клевали зерно.

Этрусского происхождения были *гаруспиции*, гадания по внутренностям животных. Политическое значение авгуров прекрасно определил Цицерон, отмечавший, что от их ауспий зависит роспуск народного собрания и признание его постановлений недействительными. Авгуры, по словам Цицерона, подчиняют своему авторитету все, что только творится магистратами в военной и гражданской сфере их власти.

Во II—I вв. до н. э. рационалистически настроенные римские поэты (под несомненным влиянием эллинистической философии) подвергали едким язвительным насмешкам авгуров и ауспиции.

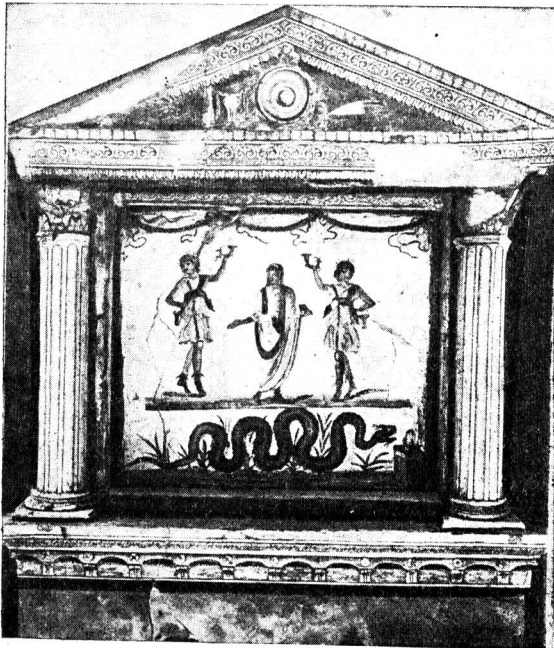
Поэт Пакувий (220—130 гг. до н. э.) писал:

Ведь тех, кто языку обучен птичьему,
И не своей, чужою мудры печенью,
Пожалуй лучше слушать нам, чем слушаться.

О том же заявлял поэт Акций (170—94 гг. до н. э.):

Я авгурам не верю: уши полнят нам
Словами, чтоб свой дом наполнить золотом.

Цитаты из поэтов можно дополнить не менее выразительными фактами. В дни выборов 133 г. суевренные римляне стали удерживать Тиберия Гракха дома, ссылаясь на наблюдения над птицами. Тогда Блоссий, близкий советник Гракха, уроженец греческой колонии Киме, ученик Антипатра из Тарса, заявил, что стыдно народному вождю бояться какого-нибудь ворона, когда граждане зовут его на защиту их дела. Еще в III в. до н. э. Публий Клавдий перед выступлением в поход получил неблагоприятные ауспиции: куры не выходили из клетки и не хотели клевать зерно. Тогда он побросал кур в море, заявив: пусть они пьют воду, если не умеют клевать зерно. Известен анекдот о том, что в последний период Республики авгуры при встрече лукаво улыбались друг другу, так как сами не верили в собственные прорицания (отсюда поговорка об «улыбке авгура»).

Алтарь в помпейском доме

Время этого древнеримского «вольномудства» совпадает с временем, когда обостряется классовая борьба, усиливается новый класс всадников, до Рима докатывается широкая волна новых культурных веяний (эллинистическая Греция). В это время утрачивает свое привилегированное положение старая родовитая знать, а с нею и выразители ее интересов—жрецы, ряды которых пополнялись исключительно из патрициев. В это именно время раздается смелый голос поэта-материалиста Лукреция (1-я половина I в. до н. э.), учившего «великому знанию» и стремившегося

Дух человека извлечь из тенет религии тесных.

Настроения господствующих кругов римского обще-

ства в последний период Республики лучше всего характеризуются двумя сочинениями Цицерона: «О дивинации» (о гадании) и «О природе богов». В первом из них Цицерон, по выражению Вольтера, «предал вечному осмеянию все ауспиции, все прорицания, всякую вообще ворожбу, от которой оглупела земля». Во втором он развил мысль, что все же из «государственных соображений» нужно сохранить «народные верования» и «традиции предков». Такая двойственность чрезвычайно характерна для римского всадничества, занимавшего промежуточное положение между плебсом и патрицианской знатью.

Домашними, или частными, культами были культы предков (манов), духов-хранителей (ларов) и покровителей дома (пенатов). Изображения ларов и пенатов помещались в доме на почетном месте, около очага.

И в государственных, и в домашних культах с необычайной резкостью проступает политический и юридический характер римской религии. Римские боги не имели определенного лица, главное значение римлянин придавал не существу призываемого бога, а его отношению к человеку. Поэтому в своих священных формулах он нередко говорил: *sive deo, sive deae* (будь ты бог или богиня) и т. п. Римские боги не пластически-осязательные личности греческой мифологии, а олицетворения сил, действий, понятий. Отсюда—расщепление мифологического образа на все новые. Боги носили характер не столько живых существ, сколько олицетворений отвлеченных понятий или действий. Таковы были божества Мира, Верности, Надежды, Свободы, Благого Исхода, Доблести, Согласия, Стыдливости и т. п. Отсюда их неподвижность: римские божества не имеют биографии, родословной, судьбы, они не действуют, как индивидуальности, потому что сами суть олицетворения действий.

На римскую поэзию и римское искусство повлиял этот характер римской мифологии. Им объясняется тот аллегоризм, который имел такую сложную историю и в средневековой, и в новой поэзии. Хотя у греков были свои божества Победы (Нике), Страсти (Пофос), Смерти (Фанатос) и др., но, встречая в европейской поэзии и искусстве образы Фортуны, Славы, Зависти, мы прежде всего вспоминаем о римлянах.

В V в. до н. э. в Рим начали проникать новые культы, сначала греческие, потом восточные. Из Греции проник в Рим культ Деметры, Диониса и Персефоны (Цереры, Либера и Либеры). Их храм, по свидетельству Варрона, был в Риме первым храмом греческого типа, — до той поры в римских храмах все было этрусским. Греческого происхождения — культ Аполлона и другие культы, связанные с так называемым Сивиллиными книгами — прорицаниями легендарной Сивиллы, служительницы Аполлона. Культ Аполлона в значительной мере способствовал и распространению греческой музыки. В конце III в. до н. э. стали появляться восточные культы. В Риме был построен храм Венеры Эрикины — сицилийской Венеры, в культе которой сильны были восточные (финикийские) черты. В Рим было привезено из Пессинунта (во Фригии) изображение Великой Матери богов.

Греческие и восточные культы привнесли в римскую религию те эле-

Жрица. Мрамор

менты, которыми сама она была наиболее бедна: пластичность, чувственность, эмоциональность, мистицизм. Отождествляя греческих богов со своими отечественными (Зевса с Юпитером, Арея с Марсом и т. д.), римляне невольно переносили на них греческие черты и, изображая их, начинали следовать греческим скульптурным образцам.

Оргиастическая чувственность, присущая культуре Великой Матери богов, характерна для многих восточных культов. В дни торжеств Великой Матери ее служители предавались бешеной скорби о смерти ее возлюбленного Аттиса, покрывали ранами свои руки и плечи, в исступлении оскопляли себя. Такой же характер приобрел культ воинственной Беллоны. Жрецы Великой Матери богов и Беллоны именовались «фанатиками» (от *fanus*, «святилище»).

Новые культы встречали упорное сопротивление власти. Сенат несколько раз запрещал культ египетской Изиды. В 186 г. до н. э. были запрещены вакханалии (мистерии Диониса). Власти объявили, что чужеземные культы «направляют на всякие бесчинства и преступления», «угрожают существованию государства». При расправе над участниками вакханалий пострадало свыше 3 тыс. человек. Новым культам противопоставлялись «отеческие обряды». Тем не менее, по мере территориального роста римского государства, число чужеземных божеств все увеличивалось, все более усиливалось слияние разнородных культов (синкретизм), достигшее высшей точки в период Империи.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

НАУКА

Общий характер римской науки. Календарь. Солнечные и водяные часы. Нумерация и счет.

Существовала ли римская наука как таковая? Этот вопрос невольно напрашивается, если вспомнить, как многим римская наука обязана греческой научной мысли. Основные направления научно-философской мысли, основные школы, основные теории созданы греками. Своеобразно римским было *практическое* приложение этих теорий, соответствующая их переработка применительно к новым задачам в иной культурной среде. Только в области права римляне были действительными новаторами.

Это превосходство греков отлично сознавали сами римляне. Поэт Вергилий в «Энеиде» писал:

Тоньше другие ковать будут жизнью дышащую бронзу —
Верю тому — создадут из мрамора лики живые,
Красноречивее будут в судах, движения неба
Тростью начертят своей и вычислят звезд восхожденья.
Ты же, римлянин, знай, как надо народами править.

В римской науке особенно легко обнаружить практические корни. Землемерие, военное дело, гидротехника, календарь, торговая арифметика — о них приходится говорить в первую очередь. Чтобы не нарушать связности изложения, подробнее об отдельных отраслях науки будет сказано в разделе, посвященном культуре Римской империи. Пока ограничимся вопросом о счислении времени и системе нумерации.

По преданию, во времена Ромула год считался равным 304 дням и состоял из 10 месяцев разной продолжительности. В названиях *september* (*septem*, «семь»), *october*, (*octo*, «восемь»), *november* (*novem*, «девять») и *december* (*decem*, «десять») поныне сохранился след этого первоначального деления. Позднее установили год в 355 дней и 12 месяцев. Так как год приблизительно равен $365 \frac{1}{4}$ дням, было решено через каждые 2 года поочередно добавлять то 22, то 23 дня, составлявших добавочный, 13-й месяц. Тогда на каждый год пришлось по лишнему дню. Чтобы устранить этот недостаток, стали время от времени пропускать добавочный месяц, сначала без системы, а потом через каждые 24 года. В результате беспорядочных поправок календарь дошел до хаотического состояния. Юлий Цезарь предпринял коренную реформу календаря и ввел так называемый юлианский календарь, который в Западной Европе продержался

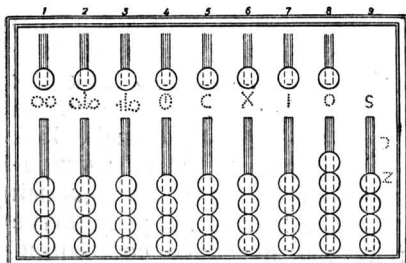

Римский календарь

до XVI в. (в Англии — до XVIII в.), а у нас был отменен лишь после Октябрьской революции. Цезарь был сам знаком с астрономией (ему принадлежит утраченная поэма «О звездах»), но вычисления были поручены александрийскому астроному Сосигену. Сосиген исходил из того, что год равен 365 $\frac{1}{4}$ дням (на самом деле он немного меньше, и потому за 128 лет юлианский календарь отстает на одни сутки). Гражданский год был принят равным 365 дням, а каждый четвертый год (високосный) положено было считать в 366 дней. Год первоначально начинался с весны, с марта месяца, посвященного Марсу, древнему воинственному богу италийских общин. После реформы Юлия Цезаря 1 января официально было объявлено началом года.

В каждом месяце было три главных дня, по которым вели счет: *календы*, *иды* и *ноны*. При счете по лунным месяцам календы приходились на начало лунного месяца (новолуние), иды — на его середину (полнолуние). Так как месяцы гражданского года не совпадали с лунными, было принято считать календами — первые числа каждого месяца, нонами — 5-е (а в марте, мае, июне и сентябре — 7-е), идами — 13-е (или 15-е). Дни обозначались числами, указывавшими, какое место данный день занимает *перед* календами, нонами и идами. Кроме того, все дни месяца делились по определенным категориям: на дни, в которые могли происходить народные собрания и заседания сената («присутственные дни»), дни религиозных очищений и празднеств («неприсутственные дни»), дни, когда могли происходить судебные разбирательства и т. д. Наконец, месяцы делились на недели, по 8 дней каждая. Дни обозначались в календарях буквами алфавита, от А до Н. Каждый восьмой день был базарным днем, когда крестьяне приезжали для торговли в город.

Первоначально составление календаря находилось в руках жрецов. Они ведали *интеркаляцией*, т. е. вставкой дополнительных месяцев, они составляли на один ближайший месяц расписание «присутственных» и «неприсутственных» дней и т. д. Все это давало им большие политические преимущества — в интересах патрициев они могли отменять и переставлять дни народных собраний. Интересно, что долгое время базарные дни были неприсутственными днями; поэтому поэту плебеям, приезжавшим в город на ярмарку, было трудно урегулировать свои отношения с патрициями, присутственные места бывали закрыты. Существует предание, что лишь в 304 г. до н. э. эдил Гней Флавий впервые обнародовал список «присутственных» и «неприсутственных» дней на весь год, и с той поры у римлян установился постоянный календарь.

Абак

Ранее III в. до н. э. римляне не знали счета часов. В «законах XII таблиц» упоминаются лишь восход и заход солнца. Несколько позднее был добавлен полдень. Слуга консулов объявлял ежедневно о его наступлении, стоя на римском Форуме, когда видел солнце между Рострами (ораторской трибуной, украшенной корабельными носами) и Грекостасисом (площадкой для чужеземных послов). Когда солнце склонялось от Мениевой колонны к тюрьме, он объявлял о последнем часе.

После первой пунической войны римляне стали вести счет часов (как и греки) от восхода до заката солнца (дневные часы) и от заката солнца до восхода (ночные часы). День и ночь, какой бы продолжительности они ни были, всегда делились на 12 равных часов. Таким образом, дневные часы были летом длиннее, а зимой — короче. Наоборот, ночные бывали летом короче, а зимой — длиннее. Шестой час приходился на середину дня или ночи, т. е. на полдень или полночь.

Первые солнечные часы были установлены на колонне около Ростр в 363 г. до н. э. Они были привезены из Сицилии. Естественно, что их разметка не годилась для географической широты Рима, и часы показывали неверное время. Только в 164 г. до н. э. римляне поставили рядом другие, более тщательно вычерченные часы. Вскоре были устроены в Риме и первые водяные часы. Водяные часы, также заимствованные у греков, имели то преимущество перед солнечными, что показывали время и в пасмурные дни, и ночью. Упрощенные водяные часы позволяли без труда сравнивать два отрезка времени независимо от времени года. Поэтому водяными часами нередко пользовались для того, чтобы регулировать время оратора.

Что касается летосчисления, то первоначально римляне довольствовались указанием на год царствования или на год консульства («во второй год царствования Нумы», «в год консульства таких-то» и т. п.). Позднее, на основании списков царей и консулов, римские ученые попытались определить год основания Рима и вести от него счет лет. Год основания Рима определяется различно. С середины I в. до н. э. наибольшее распространение получила варроновская эра, согласно которой год основания Рима приходится на 753 г. до н. э.

Узко практический характер римской *арифметики* и римского обучения математике хорошо очерчен Горацием в следующих строках:

Римские мальчики асе при помощи выкладок долгих
Учатся на сто частей разделять без ошибки. — «Скажи-ка
Нам ты, Альбина сынок, если мы из квинкунция вычтем
Унцию, сколько, смекни, остается?» — «Третью». — «Молодчина,
Ты состоянье свое сохранишь».

Следует напомнить, что система римской нумерации не позволяла производить арифметические действия так, как производим их мы при помощи арабских цифр. Подобно нумерации вавилонян, евреев, этрусков, в нумерации римлян меньшая цифра, стоящая перед большей, означает, что ее нужно вычитать из большей: IX означает 10—1, IV означает 5—1 и т. д. Операции с большими числами производились двумя приемами. Один прием состоял в следующем. Располагали камешки в 7 рядов, означавших единицы, пятерки, десятки, пять десятков, сотни, пять сотен и тысячи. Операции производили так же, как на наших конторских счетах. Камешки — по-латыни *calculi*, отсюда — калькуляция. Пользовались также доской, разделенной вертикальными линиями на 9 столбцов (абаком). На верхнем и нижнем краю доски в каждом столбце помещались подвижные жетоны. В первых семи столбцах друг против друга находились сверху — по одному, внизу по 4 жетона. Столбцы последовательно означали миллионы, сотни тысяч и т. д., вплоть до единиц. 8-й и 9-й столбец служили для более сложных операций с дробями. Чтобы изобразить на абаке какое-нибудь число, передвигали жетоны к середине доски. Верхний жетон означал пятерку, каждый из нижних — единицу. Действия производились и в этом случае сходно с тем, как они производятся на наших счетах.

